

М.В. Михновец

ТРИ ВЕКА УСАДЕБНОГО И ДАЧНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Аннотация

В рецензии рассматриваются две тематические подборки статей, посвященных изучению усадебного и дачного топосов в отечественной литературе XVIII–XX вв. Одиннадцать исследований, опубликованных в научных журналах «Два века русской классики» и «Вестник Костромского государственного университета», позволили в диахронии проследить генезис и эволюцию названных топосов, вычленив их устойчивые составляющие, рассмотреть связанные с ними универсальные проблемно-тематические комплексы. Целый ряд статей посвящены осмыслению судьбы русской классической усадьбы на страницах произведений рубежа XIX–XX вв. и описанию специфики усадебного неомифа в советской литературе. Предметом внимания исследователей стали произведения таких авторов, как А.Д. Кантемир, В.К. Третьяковский, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, К.К. Случевский, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, М. Горький, К.Г. Паустовский, Ю.В. Трифонов и др.

Ключевые слова

Усадебный тоpos; усадебный текст; усадебный неомиф; усадьба; дачный тоpos; дача.

* Рец. на подборки статей, опубликованных при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П: Усадьба и дача в литературе советской эпохи // Вестник Костромского государственного университета. 2025. № 3. С. 7–51; Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 239–371.

*M.V. Mikhnovets***THREE CENTURIES OF ESTATE AND COUNTRY HOUSE TEXTS
IN RUSSIAN LITERATURE******Abstract**

The review examines two thematic collections of articles devoted to the study of estate and dacha topos in Russian literature of the 18th – 20th centuries. Eleven studies published in the scientific journals “Two Centuries of Russian Classics” and “Bulletin of Kostroma State University” have made it possible to trace the genesis and evolution of these toposes in diachrony, isolate the stable components of the images of estate and dachas, and consider the universal problem-thematic complexes associated with them. A number of articles are devoted to understanding the fate of the Russian classical estate on the pages of the works of the turn of the 19th – 20th centuries and describing the specifics of the estate neomyth in Soviet literature. The works of such authors as A.D. Cantemir, G.R. Derzhavin, A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, K.K. Sluchevsky, I.A. Bunin, M.A. Bulgakov, M. Gorky, K.G. Paustovsky, Yu.V. Trifonov and others have become the subject of the researchers’ attention.

Keywords

Estate topos; estate text; estate neomyth; estate; dacha topos; dacha.

Прошедший 2025 г. в филологическом мире был ознаменован выходом серии публикаций, посвященных усадебному тексту русской литературы, в журналах «Два века русской классики» (2025, Т. 7, № 3) и «Вестник Костромского государственного университета» (2025, Т. 31, № 3). В своих статьях исследователи рассмотрели феномен русской усадьбы, охватив период, хронологические рамки которого широки: три века отечественной истории. В первом из указанных журналов исследования объединены в рубрику «Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.» Во втором издании исследования посвящены специфике усадебного и дачного топосов в художественных произведениях, созданных после 1917 г. (рубрика «Усадьба и дача в литературе советской эпохи»).

Одиннадцать статей стали логичным и органичным продолжением исследований, посвященных изучению феноменов усадьбы и дачи, которые в последние годы проводятся в ИМЛИ РАН под руководством доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника О.А. Богдановой и результаты которых ранее уже были опубликованы в авторских и коллективных монографиях [Богданова 2019; Феномен русской литературной усадьбы 2020; Усадьба реальная — усадьба литературная 2021; Усадьба и дача в литературе советской эпохи 2024].

Журнальные публикации отличаются внутренним единством, оно обусловлено не только общей темой, но и общностью подходов. Авторы, в качестве материала избравшие художественные произведения разных десятилетий, придерживаются историко-культурного и компаративного подходов, в основе их работ лежит системный принцип. При этом широта круга рассмотренных тем

** Reference to a selection of articles published with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051-P: The Manor and the Cottage in the literature of the Soviet era // Bulletin of Kostroma State University. Russian manor in the literature of the XVIII – early XX century. No. 3. P. 7–51. // Two centuries of Russian classics. 2025. Vol. 7, No. 3. P. 239–371.

и подтем позволила раскрыть разные аспекты усадебного текста, его многоликость и принципиальную несводимость к набору повторяющихся культурных штампов. Исследования в целом представляют собой некий цикл, который позволяет проследить «поэтику усадебных текстов в разных эстетических системах и творческих методах» [Богданова 2025а, 242], увидеть, что является общим в репрезентации усадебного топоса для авторов разных эпох, а также задаться вопросами, в какой мере эта общность обусловлена обращением к архетипическим универсалиям, единым для культуры в целом, а в какой степени определяется собственно спецификой усадебного топоса. Авторами проблематизируется вопрос об эволюции образа русской усадьбы в эпоху классицизма и сентиментализма [Богданова 2025а], поднимается важная тема не только о европейских корнях русских усадеб, но и об их восточной «составляющей» [Дмитриева 2025], а также рассматривается опыт осмысления писателями рубежа XIX–XX вв. феномена русской усадьбы и его модификаций в период заката дворянской культуры [Андреева 2025а], [Скорыходов], [Велигорский]. В рамках литературы советского периода в центре внимания исследователей оказываются художественные произведения, в которых, с одной стороны, уже не явлен традиционный усадебный топос, но, с другой, воссоздается и осмысливается усадебный миф, реализуются попытки вписать усадебный топос в контексты нового времени [Богданова 2025б]; рассматриваются произведения, в которых представлены механизмы создания усадебного неомифа [Кнорре]; изучается опыт осмысления феномена усадьбы и музея-усадьбы в переломные культурно-исторические эпохи, а также в связи с темой личной и культурной памяти [Андреева 2025б], [Агратин], создается типология дач советского периода, выявляется система устойчивых тем и мотивов, связанных с топосом дачи [Яцкив]. Таким образом, в своей совокупности статьи представляют собой самостоятельное, целостное, комплексное исследование бытования усадебного и дачного топосов, их модификаций, взаимодействия друг с другом и с современной им историко-культурной действительностью. Благодаря широте охваченных авторами вопросов становится очевидным, что усадьба и дача входят в ряд универсалий отечественной культуры.

Охарактеризовав свод статей в целом, обратимся к отдельным исследованиям. Начнем с фундаментальной статьи О.А. Богдановой «Русская литературная усадьба в контексте художественных направлений. Классицизм и сентиментализм: итоги и перспективы XVIII в.» [Богданова 2025а]. Ценно, что статья начинается с обращения к тем основам, на которых строился (как в прямом, так и переносном смысле) образ русской усадьбы послепетровского периода отечественной истории и культуры: к древнерусской усадьбе XVI–XVII вв. и, соответственно, к древнерусской словесности. При этом О.А. Богданова подчеркивает, что в допетровское время еще отсутствует устойчивое для последующих эпох противопоставление города и усадьбы: города были скоплением домовладений усадебного типа [Богданова 2025а, 245]. После реформ Петра I усадьба «стала, по сути дела, социокультурным фронтиром, где соприкасались и взаимодействовали европеизированные дворяне и патриархальные крестьяне» [Богданова 2025а, 245]. Об этой уникальной особенности усадьбы, заключающей в себе некую «изначальную претензию на всемирность» [Дмитриева 2025, 276], способность соединять в себе культурные артефакты разных стран, разные социальные классы, исторические периоды — писали многие отечественные исследователи, и положения, выдвигаемые О.А. Богдановой, в свою очередь подтверждают закономерность выделения подобной характеристики русской усадьбы. Автор

статьи исследует эволюцию в понимании феномена усадьбы на протяжении всего XVIII в. и показывает, что в эпоху классицизма «усадьба воспринималась как место воспитания и возрастания здорового духом выносливого воина и государственного деятеля, а также отдыха от полезных государственных трудов, Т. е. как тоpos патриотизма и гражданственности» [Богданова 2025а, 248], что подтверждает анализом произведений А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова. Важно, что исследовательница вписывает эволюцию усадьбы в историко-культурный контекст, в частности отмечает важнейшую роль указа «О вольности дворянства» в 1762 г. для разрешения конфликта в сознании дворян-помещиков «между патриотическими идеалами обязательной государственной службы и личными интересами» [Богданова 2025а, 253].

Как известно, выход именно этого указа напрямую повлиял на расцвет отечественной усадебной жизни и культуры. Появление нового исследования усадебной культуры эпохи классицизма чрезвычайно актуально, поскольку именно в это время был заложен фундамент, на котором появляются реальные усадьбы, а в рамках эстетики и поэтики этого художественного направления параллельно идет активное осмысление усадебного пространства. Эпоха сентиментализма привнесла «в русскую литературную усадьбу <...> идиллический хронотоп» [Богданова 2025а, 257], закрепила «коннотации рая на земле, а также вдохновения, научного и художественного творчества, мотив патриархальной многопоколенной семьи» [Богданова 2025а, 260]. Чрезвычайно значимым видится вывод О.А. Богдановой о причинах того, почему «романтизм первой трети XIX в. с его культивированием сильных человеческих страстей и трансцендентными устремлениями» выступил как антитеза сентиментализма, но, тем не менее, «в русской литературе, в отличие от западноевропейской, так и не смог стереть мечту об усадебной гармонии» [Богданова 2025а, 261].

Чрезвычайно любопытной как с исследовательской, так и с познавательной точки зрения является статья Е.Е. Дмитриевой «Восток в лирике А.С. Пушкина 1824–1825 гг.: усадебные контексты». Статья существенно расширяет сложившееся представление о русской литературной усадьбе как о феномене, прежде всего ориентированном на европейские образцы и вбирающем в себя, в первую очередь, культурное наследие Запада. Исследовательница отмечает несправедливость подобного взгляда: «Мы рассматриваем усадьбы средней полосы России, оставляя за скобками крымские и кавказские усадьбы, по определению восточные или стилизовавшиеся под восток, а также русские усадьбы, расположенные в азиатских частях России и за ее пределами» [Дмитриева 2025, 274]. По мнению автора статьи, не меньшую роль в формировании феномена русской усадьбы сыграл Восток, причем не только в силу филоориентализма XVIII в., который являл собой «особое направление эстетической мысли, предполагающее использование стилистики восточного искусства, а также сюжетов восточного быта в культурах европейского типа» [Дмитриева 2025, 275].

Е.Е. Дмитриева видит в русской усадьбе «особого рода пространство, принципиально открытое синтезу европейской и восточной культур», способное «в себя мир или же заменить мир собою» [Дмитриева 2025, 276], причем как мир европейский, так и мир восточный. Литературным материалом, к которому обращается исследовательница, становится стихотворный цикл «Подражания Корану» А.С. Пушкина, созданный в Михайловском. Поэт, в этот период глубинно погруженный в русскую жизнь, «в какой-то мере словесно делает то, что делали архитекторы усадьбы, имитировавшие восточный

стиль и создававшие на основе этой ассимиляции принципиально свое»: он «сопрягает свою имитацию сакральному тексту мусульман с деревенскими впечатлениями и южными воспоминаниями» [Дмитриева 2025, 276]. В статье рассматриваются автобиографические предпосылки создания стихотворений, в которых опять-таки прослеживается связь с усадебным топосом. Е.Е. Дмитриева вносит существенное дополнение в устоявшееся представление о русской классической усадьбе, подчеркивая значимость для неё восточных контекстов и расширяя круг художественных произведений, которые следует относить к усадебному тексту русской литературы.

Ясная Поляна оказывается в центре двух статей В.Г. Андреевой: «Л.Н. Толстой об усадьбе XX в.: от “цивилизации машин” к новому природному дому восточного типа» [Андреева 2025a] и «Топос Ясной Поляны и усадебный миф в “Записках на манжетах” М.А. Булгакова» [Андреева 2025b]. Две эти работы иллюстрируют трагизм социального и культурного перелома, последовавшего за Октябрьской революцией 1917 г. Если первая статья показывает, как закат усадебной культуры осмыслялся Толстым, каким виделось писателю будущее русской усадьбы, то вторая статья освещает то, что в действительности произошло с русской усадьбой, в частности с Ясной Поляной, спустя всего 15–20 лет после последнего романа, написанного классиком. Безусловно, в конце своего творческого и жизненного пути Толстой специально не вдумывался в феномен усадьбы, «проблемы нравственной жизни казались ему более значимыми, нежели конкретные формы практического существования» [Андреева 2025a, 301]. В первой статье исследовательница обращается к одному из главных противоречий, сопровождавших жизнь Толстого: с одной стороны, осознание себя представителем древнего дворянского рода, внутреннего потребность «соответствия своему роду, продолжения служения Отечеству», «поддержания любимого и доставшегося ему по наследству имения Ясная Поляна», а с другой – стремление к «отказу от чрезмерных условностей высшего света, от излишних материальных трат, к упрощению усадебной жизни» [Андреева 2025a, 303]. Автор анализирует ключевые произведения писателя: романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», повесть «Хаджи-Мурат» – и показывает, какое место в эволюции воззрений Толстого заняли раздумья о судьбе русской усадьбы. На протяжении десятилетий образ усадьбы принципиально трансформируется, писатель становится «отрицателем прежней усадебной культуры, невозможной без барских домов с садами и парками» [Андреева 2025a, 303], и в поиске возможных путей обустройства новой трудовой жизни людей в единстве с природой обращает свой взгляд к восточной мудрости, при этом, как отмечает исследовательница, воспринимая опыт Китая, Японии, Индии в идеализированном ключе.

Если Толстой, безусловно принадлежа к усадебной культуре, изнутри видел ее объективные изъяны, подчеркивал их и, надеясь оставить их в прошлом, искал возможности для новых форм усадебной жизни, то Булгаков в 1920-е гг. в «Записках на манжетах» «создает усадебный миф о Толстом, связанный с местом усадебной жизни великого писателя» [Андреева 2025b, 38]. Герой «Записок» понимает, что счастливая усадебная жизнь утрачена навсегда, и в ситуации революции и Гражданской войны, повлекших за собой голод, обездоленность и скитания, переосмысляет жизнь Толстого-помещика. Как пишет В.Г. Андреева, «эпизод с изображением Ясной Поляны становится в “Записках на манжетах” Булгакова единственным, но при этом очень ярким

свидетельством заботы о человеке, внимания к нему, уважения личного пространства» [Андреева 2025b, 28], описание сна героя, в котором тот оказывается в имении Толстого, становится важным этапом в осмыслении писателем «соотношения революции и войны и вечных ценностей» [Андреева 2025b, 30].

В статье М.В. Скороходова «Последний Уголок Константина Случевского» анализируется – в контексте проблематики усадебного текста русской литературы – последняя книга поэта «Песни из Уголка». Уголок – это дача, купленная Случевским на границе с современной Эстонией в 1896 г. Если иметь в виду рассмотренную выше статью О.А. Богдановой, то допустимо заключить, что образ Уголка вбирает в себя семантику, которую имели усадебные образы эпохи классицизма. Скороходов показывает, что «для Случевского в последние годы жизни было важно не только пребывание на лоне природы, но и практическая деятельность, направленная на созидание своими руками Уголка» [Скороходов 2025, 335], а в книге его стихов воссоздан усадебный топос, с которым связывается тема умиротворения, уединения и дома и где «реальный сад уподобляется Эдемскому саду, в котором царят мир и спокойствие» [Скороходов 2025, 341]. Любопытно, как в тот самый исторический период, когда Л.Н. Толстой ратует за отказ от частной собственности и ищет возможности нового образа жизни в гармонии с природой (при этом оставаясь человеком аристократической дворянской культуры), появляется тип усадеб-землевладений, приобретенных человеком на заработанные собственным трудом деньги и становящихся пространством созидания, творчества, «подлинной жизни». Примечательно, что дача Случевского существует вне известного чеховского, «вишнёвосадского» противопоставления усадьбы и дачи. Напротив, ее образ включает в себя все те смыслы и всю ту символическую сферу, которую в отечественной классической литературе имела усадьба. При этом, как и многие произведения, созданные на границе XIX–XX вв., образ Уголка в книге Случевского постоянно сопровождается «предчувствием утраты и разрушения <...> идеального мира» [Скороходов 2025, 341].

Предошущение «скорой гибели мира русской усадьбы» [Велигорский 2025, 368] оказывается и в центре внимания статьи Г.А. Велигорского «“Пусть погибнет Ку克林 дом!”: образ игрушечной “усадьбки” в “Сказке о двух нехороших мышках” Б. Поттер и стихотворном переложении П. С. Соловьевой “Ку克林 дом”» [Велигорский 2025]. Автор сравнивает английскую сказку 1904 г., повествующую о вторжении мышей в кукольный дом (городскую усадьбу), с произведением 1916 г. П.С. Соловьевой, сестры философа и поэта В.С. Соловьева. Поэтическая сказка Соловьевой является не просто вольным переводом первоисточника, автор статьи показывает, как посредством центрального образа усадьбы писательница осмысляет глобальные социальные потрясения своего времени. Г.А. Велигорский пишет: «Соловьева выводит в своей сказке образ здравомыслящего пролетария, пусть импульсивного, вспыльчивого и немного грубого <...>, однако способного к рефлексии, признанию собственной вины и стремящегося к дружескому соседству» [Велигорский 2025, 365], «вводит дополнительные коллизии и метафорические смыслы, углубляя эту историю и представляя ее в новых контекстах (мотивы возмездия, искупления, перерождения через гибель и проч.)» [Велигорский 2025, 368]. Автор исследования, сопоставляя сказку с первоисточником, демонстрирует трансформацию в предреволюционном десятилетии проблематики, связанной с русской усадьбой, и таким образом в очередной раз показывает, что усадебный

топос в русской литературе и культуре стал важнейшим пространством именно для осмысления перемен в историческом пути России.

Открывает серию исследований, посвященных усадебному и дачному топосу в литературе советского периода, статья О.А. Богдановой «Тема “усадыба и лес” в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов)». Исследовательница показывает «глубинную, родственную связь усадыбы и леса» [Богданова 2025b, 9], возникшую в художественном мире Чехова и оказавшуюся чрезвычайно востребованной для советской литературы первой половины XX в. В своем исследовании О.А. Богданова наглядно показывает, как в рамках соцреализма как литературного направления «разворот от классово-революционной идеологической доминанты к национально-патриотической и уход от идеи мировой революции к практическому строительству новой империи в России» [Богданова 2025b, 10] ознаменовался обращением к универсальным феноменам прошлых эпох, в частности к универсалии русской усадыбы. Этот процесс актуализации усадебного топоса стал еще более очевиден в сложные годы Великой Отечественной войны. «Повесть о лесах» (1948) Паустовского «буквально пронизана усадебной аксиологией»: «очищенная в советские годы от социальных противостояний, усадыба в “Повести о лесах” становится идеалом человеческого жизнеустройства, высшим выражением прекрасного» [Богданова 2025b, 12]. Кроме того, представляется любопытным указание автора о том, что в повести Паустовского «представлено создание городов-садов как важной модификации усадебного топоса в СССР <...> При этом подчеркивается их преемственность по отношению к забытому “благородству садового искусства” в старых усадебных парках Царского Села, Гатчины и Павловска» [Богданова 2025b, 13]. В романе Л.М. Леонова «Русский лес» усадебная топка также играет решающую роль. На материале произведения О.А. Богданова выявляет три модификации усадебного топоса, а также показывает, в чем заключаются причины востребованности усадебной семантики в советское время. Дело в том, что важнейшей идеей миростроительства в СССР являлось обустройство рая на земле. Аналогичную задачу ставила перед собой и русская классическая усадыба: тема усадебного рая (как и его утраты) является одной из константных для усадебного текста русской литературы. Таким образом, как показывает исследовательница, «в литературе соцреализма 1940–1950-х гг. в целом сохраняется архетипический статус русской усадыбы как идеального жизнеустройства и национального феномена» [Богданова 2025b, 15].

В статье Е.Ю. Кнорре «Неомифология усадыбы в романе А.М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» показана русская «усадыба в потоке истории, в катастрофах войн и революций» [Кнорре 2025, 20]. Автор статьи рассматривает, как Горький, «обращаясь к широкому полотну русской жизни, изображает динамику отношения к земле и земному хозяйству, в бытовании которых особую роль играла помещичья усадыба» [Кнорре 2025, 20].

А.Е. Агратин проблематизирует другую сторону литературной усадыбы: его статья «Усадыба как пространство памяти в произведениях А.П. Чехова и И.А. Бунина» посвящена мнемонической составляющей усадебного топоса. Исследователь ссылается на сформированное в литературоведении представление о преемственности наследия двух авторов с точки зрения внимания к усадебному топосу, однако наглядно демонстрирует то, что «различия поэтик Чехова и Бунина количественно и качественно превышают сходства» [Агратин 2025, 34]. А.Е. Агратин пишет о важнейшем процессе, связанном с социальными

переменами рубежа веков: «Дворянско-помещичий образ существования постепенно дезактуализировался и оказался опосредован мнемоническим опытом», а русская усадьба становится постепенно «воображаемым конструктом» [Агратин 2025, 34]. Автор рассматривает чеховские и бунинские произведения через призму понятий «герой-автохтоны» и «транзитные герои». В чеховских произведениях «автохтон проявляет порой не вполне здоровую зависимость от усадебного локуса, хочет во что бы то ни стало туда возвратиться, совершив не только пространственный, но и временной скачок, как бы переместившись в прошлое», тогда как «транзитный герой быстро забывает усадьбу» [Агратин 2025, 35]. Временная дистанция между миром русской усадьбы и реальностью произведений Бунина модифицирует эти два типа героев. В произведениях писателя XX в. «субъект воспоминания – <...> странник поневоле – автохтон, у которого в новых исторических условиях нет никакого шанса на возвращение» [Агратин 2025, 36]. Принципиальная временная разница позиций героев Чехова и Бунина по отношению к усадьбе ведет к различиям в значении для них памяти о прошлом: для чеховского персонажа память может «стать источником иллюзий и заблуждений», тогда как для бунинского – «является спасительной соломинкой в бушующем потоке времени» [Агратин 2025, 36]. Сама же усадьба для героев нового времени оказывается «пространством не только личной, но и культурно-исторической памяти» [Агратин 2025, 37]. Исследователь приходит к выводу: «бунинская концепция “усадебной” памяти в определенном смысле идеалистичнее чеховской, отмеченной скептицизмом и недоверием к усадебному прошлому» [Агратин 2025, 38].

В связи со статьей Д.М. Борисовой «Дача графа Апраксина в жизни и творчестве К.Г. Паустовского» встает вопрос о том, какие же именно артефакты императорского прошлого России стоит включать в понятие усадебного неомифа советского времени. Исследовательница обращается к той роли, которую сыграла бывшая дача Апраксина в Балаклаве на жизненном пути и в творческом наследии Паустовского, однако вызывает сомнение оправданность атрибуции приморского дома графа М.А. Апраксина как дачи, а также соотнесение этого дома с усадебным топосом, которому присуща определенная более или менее устойчивая система мотивов, образом, тем и смыслов. Возможно, стоит выделить особый подвид дачного топоса – топос курортно-морской дачи, описать его принципиальное несовпадение с топосом курорта как такового и уже в этот контекст поместить размышления о рассказе «Морская прививка». Безусловно, для изучения творчества писателя статья имеет большое значение как исследование того, как «отдых на бывшей графской даче помог Паустовскому восстановить силы, получить материал для новых произведений, переосмыслить свои художественные принципы» [Борисова 2025, 43]. Однако в контексте всей рубрики журнала, статьи которой осмыслили прежде всего специфику феномена усадебного текста в литературе советского периода, хотелось бы увидеть более подробную разработку именно этого вопроса на материале произведений Паустовского.

Завершает масштабное исследование усадебного и дачного текста, охватывающее три века отечественной культуры и литературы, статья Е.О. Яцкив «Эволюция литературной дачи и творчество Ю.В. Трифонова 1960–1970-х гг.». Публикация комплексно рассматривает творчество Трифонова через призму дачного топоса. Как пишет исследовательница, образ дачи в произведениях Трифонова тех лет отражает «тоску писателя (и, может быть, всего его поколения) по утраченному

раю на земле» [Яцкив 2025, 48]. Автор выделяет три модификации образа дачи в произведениях писателя: «собственно дача, приморская дача, городская усадьба», при этом всегда в поэтике Трифонова дачи наделяются «свойствами, определяющими особое отношение автора <...> к быту и бытию, равно значимым для понимания человека и общества» [Яцкив 2025, 48]. Именно отношение к даче является характерообразующим при описании героя, с образом дачи связываются такие глобальные темы, как тема детства, памяти, истории, семьи. Особое место в дачном топосе Трифонова играет мир цветов, кустарников, деревьев, а «вырубка кустов и цветов», равно как и разрушение дач, «превращаются в символ исчезновения прошлого, уничтожения приюта для души человека, уставшего от шума времени, от городской суеты» [Яцкив 2025, 50].

Таким образом, собранные воедино исследования, посвященные изучению усадебного и дачного топосов, позволили проследить в диахронии эволюцию усадьбы и дачи в русской литературе, выделить универсальные составляющие их образов, поставить вопрос о типическом и архетипическом в связи с ними и определить проблемно-тематические комплексы, актуализированные благодаря топике дачи на рубеже столетий и эпох. Выражаем надежду, что эти исследования будут продолжены и войдут в следующие коллективные монографии, посвященные усадебному и дачному топосу русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агратин А. Е.* Усадьба как пространство памяти в произведениях А. П. Чехова и И. А. Бунина // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 33–40.
2. (а) *Андреева В. Г.* Л. Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 298–327.
3. (б) *Андреева В. Г.* Топос Ясной Поляны и усадебный миф в «Записках на манжетах» М. А. Булгакова // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 27–32.
4. (а) *Богданова О. А.* Русская литературная усадьба в контексте художественных направлений. Классицизм и сентиментализм: итоги и перспективы XVIII в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 240–269.
5. (б) *Богданова О. А.* Тема усадьба и лес в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К. Г. Паустовский и Л. М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–18.
6. *Богданова О. А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е. Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
7. *Борисова Д. М.* Дача графа Апраксина в жизни и творчестве К. Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–46.
8. *Велигорский Г. А.* «Пусть погибнет Куклин дом!»: образ игрушечной «усадебки» в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении П. С. Соловьевой «Куклин дом» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 350–371.
9. *Дмитриева Е. Е.* Восток в лирике А. С. Пушкина 1824–1825 гг.: усадебные контексты // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 270–297.
10. *Кнорре Е. Ю.* Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 19–26.

11. Скороходов М. В. Последний Уголок Константина Случевского // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 328–349.
12. Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 672 с.
13. Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с.
14. Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+ / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 344 с.
15. Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 47–51.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Agratin A. E. Usad'ba kak prostranstvo pamiati v proizvedeniakh A. P. Chekhova i I. A. Bunina [The Estate as a Space of Memory in the Works of A. P. Chekhov and I. A. Bunin]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, no. 3, vol. 31, pp. 33–40. (In Russian).
2. (a) Andreeva V. G. L. N. Tolstoi ob usad'be XX v.: ot «tsivilizatsii mashin» k novomu prirodnomu domu vostochnogo tipa [L. N. Tolstoy on the 20th-Century Estate: From the “Civilization of Machines” to a New Natural House of the Eastern Type]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2025, no. 3, vol. 7, pp. 298–327. (In Russian).
3. (b) Andreeva V. G. Topos Iasnói Poliany i usadebnyi mif v “Zapiskakh na manzhetakh” M. A. Bulgakova [The Topos of Yasnaya Polyana and the Estate Myth in M. A. Bulgakov's “Notes on the Cuffs”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, no. 3, vol. 31, pp. 27–32. (In Russian).
4. (a) Bogdanova O. A. Russkaia literaturnaia usad'ba v kontekste khudozhestvennykh napravlenii. Klassitsizm i sentimentalizm: itogi i perspektivy XVIII v. [The Russian Literary Estate in the Context of Artistic Trends. Classicism and Sentimentalism: Results and Prospects of the 18th Century]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2025, no. 3, vol. 7, pp. 240–269. (In Russian).
5. (b) Bogdanova O. A. Tema usad'ba i les v literature sotsialisticheskogo realizma kontsa 1940-kh – nachala 1950-kh gg. (K. G. Paustovskii i L. M. Leonov) [Theme Estate and Forest in the Literature of Socialist Realism of the Late 1940s – Early 1950s (K. G. Paustovsky and L. M. Leonov)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, no. 3, vol. 31, pp. 8–18. (In Russian).
6. Borisova D. M. Dachа grafa Apraksina v zhizni i tvorchestve K. G. Paustovskogo [Count Apraksin's Dachа in the Life and Works of Konstantin Paustovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, no. 3, vol. 31, pp. 41–46. (In Russian).
7. Veligorsky G. A. “Pust’ pogibnet Kuklin dom!”: obraz igrushechnoi “usadebki” v “Skazke o dvukh nekhoroших myshkakh” B. Potter i stikhotvornom perelozhenii P. S. Solov'evoi “Kuklin dom” [“Let the Dolls' House Perish!”: The Image of a Toy “Estate” in “The Tale of Two Bad Mice” by B. Potter and Its Poetic Arrangement “The Dolls' House” by P. S. Solovieva]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2025, no. 3, vol. 7, pp. 350–371. (In Russian).
8. Dmitrieva E. E. Vostok v lirike A. S. Pushkina 1824–1825 gg.: usadebnye konteksty [The East in Pushkin's Lyrics of 1824–1825: Country Estate Contexts]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2025, no. 3, vol. 7, pp. 270–297. (In Russian).
9. Knorre E. Yu. Neomifologiya usad'by v romane A. M. Gor'kogo “Zhizn' Klima Samgina” [Neo-mythology of the Estate in A. M. Gorky's Novel “The Life of Klim Samgin”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, no. 3, vol. 31, pp. 19–26. (In Russian).

10. Skorokhodov M. V. Poslednii Ugolok Konstantina Sluchevskogo [The Last Nook of Konstantin Sluchevsky]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2025, no. 3, vol. 7, pp. 328–349. (In Russian).

11. Yatskiv E. O. Evoliutsiia literaturnoi dachi i tvorchestvo Iu. V. Trifonova 1960–1970-kh gg. [The Evolution of the Literary Dacha and the Work of Yu. V. Trifonov 1960–1970s.]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, no. 3, vol. 31, pp. 47–51. (In Russian).

(Monographs)

12. Bogdanova O. A. (comp., ed.) *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+* [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+]. Moscow, IWL RAS, 2020. 344 p. (In Russian).

13. Bogdanova O. A. (comp., ed.) *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia* [A Real Estate – A Literary Estate: Vectors of Creative Transformation]. Moscow, IWL RAS, 2021. 384 p. (In Russian).

14. Bogdanova O. A. (comp., ed.), Andreeva V. G. (ed.) *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia* [The Estate and the Dacha in Soviet-Era Literature: Losses and Gains]. Moscow, IWL RAS, 2024. 672 p. (In Russian).

15. Bogdanova O. A. (comp., ed.), Dmitrieva E. E. (ed.) *Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologii* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th – 21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russian).

Михновец Мария Владимировна,

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;
Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского.

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета;
научный сотрудник.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

ORCID ID: 0000-0002-7818-2321

Mariia V. Mikhnovets,

Herzen State Pedagogical University of Russia; the F.M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum (St. Petersburg).

Candidate of Philology, Associate Professor at the Philological Department;
Research Fellow.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

ORCID ID: 0000-0002-7818-2321